

Глава 9. Спокойное утро с тобой

«Фу-фу-фу... ла-ла-ла...»

Багряные и жёлтые листья яркими пятнами расцвечивали внутренний двор. В похолодавшем воздухе куры с довольным кудахтаньем разгуливали туда-сюда.

Я тоже, сгребая опавшую листву метлой, невольно мурлыкал себе под нос — так хорошо было на душе. Сердце моё покоилось в глубоком умиротворении, и я уже всей душой наслаждался жизнью с Севераном.

(...Вот бы так продолжалось вечно.)

Дни, когда я мечтал поскорее вернуться домой, казались теперь ложью — будто через Северана я заново убеждался в том, чего искал на самом деле.

На слово откликалось слово.

На заботу приходила благодарность.

Выражаешь благодарность — в ответ улыбка.

Всё, чего я никогда не получал от людей, теперь возвращалось ко мне, словно так и должно быть. И каждый раз, когда эти мгновения накладывались одно на другое, я с тихим вздохом думал: «Ах, оказывается, я всегда этого хотел». Ощущение, будто в груди что-то мягко, с лёгким стуком вставало на место.

Я перевёл взгляд на танцующий в воздухе жёлтый лист, и там, вдалеке, сверкнул озарённый солнцем меч. Даже после того, как я здесь поселился, Северан каждое утро, не пропуская ни дня, продолжал упражняться.

Чёрные волосы разметал ветер, длинные руки плавно чертили дугу. В движениях опускавшего меч не было ни капли лишнего, и — может быть, оттого что он оставался лишь в тонкой рубахе, надетой под рыцарский мундир, — видно было, как перекачиваются мышцы на его безупречно сложенной спине.

(До чего же красиво...)

Пока я думал об этом, сквозь спутанные пряди волос блеснули чистые, словно лазурит, синие глаза — и заглянули прямо в меня.

От одного этого сердце едва не остановилось.

В панике я принялся суетливо водить метлой — шурх-шурх — и, чтобы отвлечься, стал придумывать, что приготовить на обед.

Кстати, в тот день, когда мы ходили на рыбалку, я, как и обещал, подал Северану на ужин свой рыбный пирог. Похоже, угощение пришлось ему по вкусу куда сильнее, чем я ожидал: хоть я и сделал его побольше, Северан с аппетитом умял почти всё. С тех пор меня чуть ли не каждый день просят приготовить этот рыбный пирог, так что теперь в дни рыбалки это наш неизменный ужин.

До сих пор не верится, что я с кем-то живу вместе и что у меня вдруг появилось такое понятие, как «коронное блюдо». Впрочем, одним пирогом наш стол не ограничивался. В те дни, когда удавалось добыть кабана или оленя, мы запекали мясо с пряными травами вместе с собранными каштанами, а ещё, готовясь к зиме, я научился у господина Перана вялить мясо.

В моей жизни, которая за эти дни расцвела красками настолько, что предыдущие пять лет казались вымыслом... Чувство, которое можно назвать «радостью», день ото дня рождалось в душе всё чаще.

(Если так пойдёт и дальше, боюсь, после того как господин Северан уедет, мне несладко придётся...)

Я уже дошёл до таких мыслей и криво усмехнулся про себя, как вдруг прямо рядом со мной раздался голос:

— А у тебя голос... красивый.

— Уа!

— А, прости.

Ещё недавно он был далеко — когда же успел подойти так близко?

Северан вложил мне в руки древко метлы, которую я в испуге выронил, а сам грузно плюхнулся на маленькую скамейку, стоявшую в тени дерева у меня за спиной.

— Передышка~

С этими словами он закинул руки на спинку скамьи и, широко раскинув ноги, словно слился с ней воедино, уставился в небо.

Похоже было, что он так и завис в рассеянной задумчивости, поэтому я тихонько снова принялся орудовать метлой. Шурх-шурх — раздавался мягкий звук, и листья на земле собирались во всё более высокую горку.

(Печёный батат...)

Я как раз думал об этом.

— Слушай, а споешь?

— А?

— Ну, я же сказал, что у тебя голос... красивый. Только что.

Я не мог взять в толк, о чём говорит Северан, и под деревянной маской растерянно открыл рот, думая: «Он про кур, что ли?»

— как вдруг Северан поднял голову и с недовольным лицом продолжил:

— Ты же только что пел. Спой ещё раз.

— ...Э, э-э?! Не хочу.

— «Не хочу»... жестоко. А ведь когда Никола поёт, двор словно начинает сиять.

Я и представить не мог, что он слышал моё давешнее мурлыканье, хоть и находился тогда так далеко.

Тело мгновенно обдало жаром. Петь такое по заказу я был не в силах, поэтому нужно было как-то аккуратно закончить разговор.

— А, э-э, я вообще-то был мастером духов... Может, в этом всё дело.

— Не говори так, будто это в прошлом.

— А, ну... я ведь...

Произнеся это, я резко отвёл взгляд.

Думал, что уйду от темы мурлыканья, а вместо этого сам повернул разговор в странное русло. И почему я нарочно завёл речь о том, о чём говорить не хотел?

Я лихорадочно шарил глазами по сторонам в поисках чего-нибудь, что помогло бы переключиться, как вдруг меня сильно дёрнули за руку.

— Никола, мастер духов — это совсем не то же самое, что другие занятия. Не та профессия, которую можно получить, просто захотеть и приложить усилия.

— Что?

Разговор о мастерах духов продолжился, и моё тело мгновенно напряглось.

Северан прав: мастером духов становятся по назначению Святой Церкви. Поэтому даже такой человек, как я, выросший в приюте для сирот, может однажды оказаться призванным Церковью. Правда это или нет — не знаю, но я слышал слухи, будто существует некий ритуал, проводимый Великим Мастером Духов, с помощью которого можно выявить людей с подходящим дарованием по всей стране. В этом королевстве, где почитают духов, немногочисленные мастера духов окружены почтением, словно дворяне. Поэтому, наверное, Церковь продолжает охранять даже таких, как я, — тех, кто потерпел неудачу и выбыл из строя. Ведь на нас лежит важная миссия: возносить молитвы господам духам во всех уголках страны и защищать это королевство.

— И к тому же... ты способен принести людям столько счастья.

Раз Северан принадлежит к Ордену Священных Рыцарей, он, должно быть, много раз видел, как возносят молитвы другие мастера духов. Действительно, когда возносишь молитвы духам, иногда происходят фантастические явления — такие, словно сама природа откликается. Все любят молитвы мастеров духов.

Но всякий раз, когда слова Северана отдавались в моих ушах, мирный мир перед глазами, казалось, с грохотом рушился. Я резко, судорожно втянул воздух — и всё, больше уже не мог.

Перестав понимать, зачем я вообще сейчас здесь существую, я вцепился в метлу, стиснув древко изо всех сил. Чтобы удержать собственное тело, метла была слишком ненадёжной опорой, и когда я уже почти опрокинулся назад, кто-то сжал мою руку спереди — я изумлённо заморгал.

Меня тут же рванули вперёд, и в следующий миг я уже стоял прямо перед Севераном, почти обхватившим меня за талию. Северан, глядя на меня снизу вверх, с уровня моего живота, спросил:

— Прости, я что-то лишнее сказал?

Он виновато сжал мою руку, которую так и не отпустил, и кончики моих пальцев задрожали. Может быть, через наши руки ему передавался холод, но я лишь отрицательно покачал головой.

Это была только моя собственная проблема, Северан не сказал ничего странного. Чувствовать его заботу было мучительно.

Северан потянул меня за руку и медленно усадил рядом с собой.

Мне хотелось уйти отсюда прямо сейчас, но в голове стоял туман, и я мог только сидеть. Я принялся растирать грудь рукой, пытаюсь успокоить дыхание, а Северан, неловко протянув «хм-м...», продолжил:

— Но я-то, по крайней мере, становлюсь счастлив.

— ...Что?

— Я же уже говорил: когда Никола поёт в хорошем настроении, этот двор выглядит каким-то радостным.

— Н-ну, не думаю...

...что такое возможно.

Разве двор выглядит радостным не оттого, что сейчас самый разгар осенних красок и пейзаж очень красив?

— Я и тогда, на рыбалке, говорил, но, видимо, это всё-таки сила мастера духов... точнее, кажется, будто мир радуется.

Наверное, он вспомнил тот разговор о поте на рыбалке, подумал я.

Пусть я и молился как мастер духов — пусть даже с грехом пополам, — может, в моём голосе действительно есть такая сила.

Но...

(Как бы там ни было... ко мне, нынешнему, это уже не имеет отношения.)

Однако что значит — «Северан становится счастлив»? Пока я раздумывал над этим, Северан мягко подхватил прядь моих волос и легко провёл по ней пальцами.

— О, а у тебя, кажется... цвет волос немного посветлел?

— А?

— Не знаю, как сказать... как будто появился блеск... они стали чуть зеленоватыми.

Услышав это, я и сам невольно ухватил одну прядь и, заморгав, уставился на неё.

Цвет моих волос потускнел от телесного и душевного истощения, так что я даже не надеялся, что он когда-нибудь вернётся.

В груди, словно от брошенного в воду камешка, разошлась кругами рябь. Это странное ощущение — не то надежда, не то смущение, — взволновало сердце.

(Неужели... это потому, что я рядом с господином Севераном?)

Я сидел на скамье, крепко сжав кулаки и опустив голову, — и вдруг тепло ладони Северана мягко накрыло мои напряжённые пальцы.

— Слушай, я же обещал, что сделаю вид, будто не замечаю. Так что пой хоть иногда.

— Что... п-почему это?

Я невольно резко обернулся. Как можно просить меня петь только потому, что «двор выглядит радостным»?.. Я в ошеломлении смотрел на него, а Северан, собрав у глаз лучики морщинок и сверкнув белыми зубами, вдруг широко улыбнулся:

— Да ведь я тоже... радуюсь.

Эта улыбка была настолько ослепительной, что у меня перехватило дыхание.

Мастера духов поют. Пением возносят молитвы духам. Поэтому я всё это время упражнялся, но не могу понять, почему одно только простое мурлыканье вызывает у Северана такую радость.

Перед мысленным взором проносятся дни в столице, полные сплошного отрицания.

Но всё же — «радуюсь»...

— Господин Северан... радуется?

— Ага. Мне удивительно... спокойно. Когда ты мурлычешь, Никола.

Лицо Северана, когда он это произнёс, было безмятежным.

Вдалеке кудахтали куры, а над горкой опавших листьев мягко разливалось солнечное тепло.

* * *

От соприкосновения ладоней разливалось мягкое тепло. Прежде, когда меня хватали, я панически боялся чужих прикосновений, но тепло Северана отчего-то казалось таким уютным.

Из сердца, израненного отвержением, будто исчезали впившиеся шипы.

Время, казалось, текло до ужаса медленно.

Я вспомнил о том, что пообещал, но так и не смог исполнить——

<http://bllate.org/book/17984/1728130>